

А.С. Ракитин (Курск)

СТОРОЖЕВЫЕ КАЗАКИ ГОРОДА ДАНКОВ ПОСЛЕ «ЧЕРКАССКОГО РАЗОРЕНИЯ» (1618–1650-е ГОДЫ)

Г ОРОД Данков¹ традиционно считался одним из южных форпостов Рязанской земли. Немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн, посетивший в начале XVI в. Московию, сообщал, что Донко – «разрушенный город»². По всей вероятности, городище (порой отождествляемое с древнерусским Дубком) уже в ту пору было хорошо известно рязанским казакам. Так, в 1523 г. русский посол Иван Морозов, турецкий посол Скиндер и рязанские казаки, которым было поручено сопровождать их, «клялись в суды в Донкове»³.

В 1568 г. Данков на месте древнего городища строили служилые люди из Михайлова и Пронска под руководством воевод Владимира Курлятева и Бориса Серебряного вместе с казачьими головами Григорием Сидоровым и Юрием Булгаковым⁴. Вероятнее всего, эти служилые люди, их родственники, дольщики и захребетники, составили значительную часть гарнизона нового города на Дону. Помимо этого, штат местного казачества был пополнен разного рода «охочим» и гулящим людом и донскими казаками. Так, позднее, в 1585 г., дворянину Василию Биркину поручалось привлекать к царской службе донских атаманов и казаков, появляющихся в верховьях Дона близ Данкова⁵.

Как только новый город в верховьях Дона был поставлен, здесь стали нести сторожевую службу, охватывающую, по мнению известного воронежского историка В.П. Загоровского, почти всю современную Липецкую область, а также частично Орловскую, Тамбовскую и Воронежскую области⁶. Как сообщают источники, сторожевых казаков в Данкове было устроено 117 человек,

оклады их равнялись: 50 четвертям – земельный и 6 рублям – денежный⁷.

После официального утверждения в 1571 г. в Москве сторожевой и станичной службы «на Поле» число данковских сторожей было определено как 14. Из них самой ближней к Старому Данкову была сторожа на реке Вязовенке, там, где в 1619 г. был построен новый жилой острог, а самой дальней – «у Кривого Бору», на территории современного Рамонского района Воронежской области⁸.

Станичная и сторожевая служба были регламентированы рядом должностных обязанностей и инструкций, которые выглядели следующим образом. Ратным людям поручалось стоять на сторожах не слезая с коня, ездить строго по означенным маршрутам, никуда не съезжая и не сворачивая, «переменяясь же направо и налево по два человека»; следовать наказам местных воевод. Кони у станичников должны были быть «добрыми» (т.е. справными, здоровыми), такими, «на которых... на сторожи ездити было безстрашно». Осматривать коней поручалось лично станичным головам и городским воеводам. Длительных остановок и привалов делать не разрешалось – «огни класти не в одном месте». Запрещалось также трапезничать и отдыхать больше одного раза в день на одном и том же месте – «коли каша сварити и тогды огня в одном месте не класти двожды, а в коем месте хто полдневал и в том месте не ночевати». Обнаружив врага, сторожа и станичники должны были отправлять вести о его продвижении в Москву и ближайшие украинские города. По сакам «людей смечати» – опытные станичники по следам могли определить численность вражеского отряда и порой даже его воинский состав, присутствие в нем «царя» (хана) или калги (княжича). Сезон станичной и сторожевой службы начинался по ранней весне и заканчивался глубокой осенью: первая станица отправлялась «в поле» 1 апреля, вторая – 15 апреля, третья – 1 мая, четвертая – 15 мая – и так 8 станиц, выдвигающихся в степь вплоть до конца ноября. За халатное отношение к означенным обязанностям ратные люди могли быть битыми кнутом, а за более серьезные проступки и того хуже – «кажнеными смертю»⁹.

Вплоть до 1622 г. у сторожевых казаков Данкова существовало деление на десятки, как это было традиционно для полковых казаков и городских стрельцов¹⁰. К слову сказать, в XVI–XVII вв. подобная организация в Данкове и других южнорусских городках

(Ряжске, Епифани, Шацке, Деделове и пр.), где имелись сторожевые казаки, документально не подтверждается.

Следует выделить еще одну категорию городского казачества, существовавшую при Иване IV в Данкове и совершенно исчезнувшую после Смуты, – беломестных атаманов. Изначально их число в городе составляло 30 человек. Земельного оклада им не полагалось, денежный же составлял 7 рублей на человека. К 1590-м гг. беломестные атаманы были сведены на Воронеж. Накануне разорения Данкова черкасами Сагайдачного там числилось 14 беломестных казаков (вероятно, в Разрядных книгах в данном контексте имелись в виду именно беломестные атаманы). К 1622 г. в Данкове значится всего один «беломестец» – Федор Полукаров¹¹, ставший впоследствии сторожевым казаком¹².

**Храм Рождества Христова
в Сторожевой слободе Данкова**

До 1618 г. Данков находился севернее своего нынешнего места расположения – приблизительно в 40 км, там, где сейчас на берегу Дона стоит село Стрешнево. Где именно здесь находились слободы служилых людей – не известно, ясно только, что Сторожевая слобода могла располагаться на месте нынешнего села Полибино. В августе 1618 г. Данков был разорен черкасами (запорожскими казаками) в ходе рейда гетмана Петра (Конашевича) Сагайдачного вглубь Московии. Расскажем в общих чертах, как это происходило.

1618 г. ознаменовался походом на Москву польского королевича Владислава. Своих сил у польской стороны было

явно не достаточно, поэтому на помощь походному войску пришли черкасы численностью до 20 тысяч человек, возглавляемые

гетманом Петром Сагайдачным. Неприятель разорил Путивль, Валуйки, Ливны, Елец и Лебедянь. Численность вражеских отрядов, штурмовавших русские крепости, была настолько велика, что, по словам очевидца, находившегося в Ельце во время осады, черкасы, несмотря на огромные потери от крепостной артиллерии, по трупам «к Аргамачим воротам по своим по побитым людям... взошли». Следующим пунктом на пути войска гетмана вглубь Московии был Данков. Сюда устремился авангард – отряды Михаила Дорошенко. По свидетельству данковских полковых казаков Панки Летуновского (в источнике «Летунова») «со товарищи», относящемуся к 1619 г., узнав о появлении в окрестностях Данкова войска Сагайдачного (приблизительно во второй-третьей декаде июля), местный воевода Алексей Чубаров получил приказ перевести всех жителей в город Михайлов. Покидая Данков с семьями и скарбом, служилые люди не надеялись вернуться домой, плакали, прощались с могилами предков: «прощаются у могил, плач великой»¹³. Собрав порох и свинец под руководством воротника Якима Акулова, часть данковских служилых людей двинулась к городу Пронску, однако по пути была разгромлена запорожцами. В этом неудавшемся походе много человек, в том числе и сам Акулов, были «побиты», порох и свинец достались неприятелю¹⁴. Федор Григорьевич Оладынь, назначенный в Москве новым воеводой, вез в Данков государеву казну, а также зелье и свинец «для осадного времени». Однако в пути «весть учинилась, что гетман Сайдачной Донковской острог взяли и сожгли» и Оладыньну пришлось вернуться на Михайлов, где его пороховые запасы оказались осажденным как раз кстати¹⁵. Подробностей (и даже точной даты) разорения Старого Данкова, к сожалению, не сохранилось. Также нет сведений, оставался ли кто-нибудь в городе во время погрома.

Не задерживаясь под Данковым, черкасы двинулись дальше по «рязанской украине» – к городам Скопин, Шацк и Сапожок. По пути разорили город Рязск: «нападоша на область рязанскую», – сообщает хронограф-современник. 26 августа осадили город Михайлов, который неприятелю взять так и не удалось¹⁶.

Страх перед новым набегом черкасов гетмана Петра Сагайдачного еще долго будоражил умы современников и население южно-русских уездов. Так, по прошествии трех лет после Деулинского перемирия, в декабре 1621 г., вышедший в Путивль новгород-северский крестьянин села Погарищ рассказал о том, что Петр

Сагайдачный с черкасами, находившимися в Лубнах, Пирятине, Прилуках и Переславле «хатят... прихадить под... государевы украинные города... меж Рожества Христова и Крещенья»¹⁷. Однако набега не произошло.

По всей вероятности, некоторые данковцы не присоединились к этим большим группам беженцев, ушедшим в Михайлов и Пронск, а разбежались поодиночке в прочие города рязанской окраины – Рязжск, Лебедянь и Воронеж, а также в монастырские села и вотчину архиепископа Рязанского и Муромского. Здесь они и продолжали оставаться до «разбору» начала 20-х гг. XVII в., после чего практически все вернулись в штат данковского гарнизона¹⁸. 26 ноября 1618 г. воевода Федор Оладьин с данковскими людьми, которых успел собрать, приступил к восстановлению разрушенного города: «и на Донковском на Старом городище острог поставил и всякими крепостьми укрепил». Здесь же был найден сброшенный черкасами в реку «горелый» артиллерийский наряд – «две пищали полоторных да два тюфяка да шесть пищалей затинных»¹⁹. Несмотря на это, уже к декабрю 1619 г. на Вязовенском городище (при впадении речки Вязовенки в Дон, в 40 верстах южнее) был построен новый Данков в виде жилого острога, куда отправили провиант с «пушечными запасами» и «донковских всяких людей [воевода Оладьин] перевел и донковские всякие люди в новом Донкове на Везовенском городище поселились»²⁰. Город был укреплен, сделаны тайники.

После «черкаского разорения» штат сторожевых казаков Данкова снизился почти на половину: со 117 до 54 человек²¹. Чем же могло быть вызвано такое резкое сокращение численности сторожевых казаков? Во-первых, неся сторожевую службу далеко в степи, сторожевые казаки могли быть схвачены по одиночке воровскими людьми, разбежаться кто-куда, а во-вторых, запросто примкнуть к тем же «повстанческим ватагам», как это произошло с представителями одного известного данковского служилого рода – Баловневых. Так, в 1650 г. сторожевой казак Федор Баловнев подал иск в оскорблении своих деда и отца другим данковским казаком – Семеном Марковым, назвавшим их «изменниками». Семен Марков упрекал родителей Баловнева, что те «подались» в войско Самозванца, на что Баловнев ответил: «деда де и отца моего за то

хотели з башни скатить, что он целовал крест в службе царю Василью Ивановичу (Шуйскому. – А. Р.)». Если верить словам Федора Баловнева, его дед с отцом оставались верными царской власти. Но далее он сообщает любопытные подробности о своем дядьке: «дядя де мой приходил под Москву с казаками и за то де дяде моего вершили, а я дяди своего безчестья не ищю, ищю деда и отца своего, и своего». Отсюда следует, что какая-то часть сторожевого казачества Данкова действительно могла бы влиться в воровские отряды²².

Несмотря на это, к 1626 г. число сторожевых казаков было доведено до прежней нормы, по писцовым книгам в Сторожевой слободе значатся все

«сто семнатцать дворов, людей в них тож»²³. Произошло это за счет родственников самих сторожевых казаков, гулящего люда, а также казаков полковых: «служили... в козаках... государеву полковую службу да черкаскаго разаренья»²⁴. Этим полковым казакам после постройки в 1619 г. нового Данкова были отведены дворы в Сторожевой слободе. Через пять лет, в 1624 г., казаки получили грамоту о своей новой службе: «не велена ис сторажевых козаков в полковья козаки имать». Однако в 1639 г. прибывший в Данков московский стрелецкий сотник Семен Карташов провел разбор данковских служилых, в ходе которого предложил в Разряде, что неплохо было бы вернуть казаков из сторожевой службы обратно в полковую. Тринадцать сторожевых казаков «Серешка Хныкин со товарищи» подали царю коллективную челобитную о невозвращении их в полковые казаки, ссылаясь на грамоту прежних лет²⁵. Подробности этого дела нам не известны, поскольку нет соответствующей документации, но, судя по тому, что почти все челобитчики значатся в сторожевых казаках крестоприводной книги 1645 г., очевидно, что «воинские люди» все же были оставлены в сторожевой службе²⁶.

**Река Дона в районе села Требунки
Данковского района Липецкой области**

На «пустые места» в Сторожевую слободу Данкова пытались верстаться люди, зачастую не имеющие отношения к ратной службе. В частности, это касалось различных категорий крестьянства. Приведем несколько примеров. 22 декабря 1628 г. в столичном разряде от лица Рязанского и Муромского архиепископа Антония сыном боярским Иваном Болтиным был подан иск на данковских сторожевых казаков Куприяна и Провотора Яковлевых детей Фефиловых. Они были обвинены в том, что, являясь крестьянами деревни Петрушино – ряжской вотчины архиепископа Рязанского и Муромского Антония, записались в апреле 1628 г. в сторожевые казаки Данкова. При допросе Куприян (Куприк) Фефилов «за себя и за брата» рассказал, что в Петрушино они жили лет шесть, «бродили меж двор и кормились работаю», а в крестьянах никогда не «живали». Отец и дед их, по словам Куприка, были конными стрельцами Епифани, а после «литовского разоренья» от бедности скитались в Ряжском уезде – вотчине архиепископа Антония, где кормился всяческой работой, а после пришел в Данков, где «стал в... государеву службу в сторожевые казаки, потому что дед и отец... были служивые люди». Куприк также ссылаясь на родственников, которые якобы в 1628 г. служили по Епифани в детях боярских и конных стрельцах. Выгораживая себя, Фефилов предложил опросить епифанских стрельцов, которым его отец и дед были знакомы. Вместо этого ряжским сыном боярским Торсенином Обрывковым был опрошен 61 человек (крестьяне, попы, целовальники и поместные казаки) в Ряжском уезде, в вотчине боярина Ивана Романова городке Скопин, в селах Вослебо (Вослебово), Вязовенки, слободе Кремлево, а также в слободе Велемской (Велемья). Все эти люди сказали, что братья Фефиловы им известны и жили в Петрушино «лет з дватцать и больши». Была названа даже точная дата, когда крестьяне сбежали из вотчины – 20 апреля 1628 г. Далее сомнений не возникало: братья Фефиловы уроженцы именно Ряжского уезда, в связи с чем в Данков отправился пристав – архиепископский сын боярский Салтан Терехов, дабы, сыскав в Сторожевой слободе Куприка и Провоторку, вернуть их «с матерью, з женами и детьми и со всеми животы» в вотчину, что и было исполнено²⁷.

При разборах конца 30-х гг. XVII в. было выявлено, что среди данковских служилых «нового прибора» имеются и холопы. В 1639 г. было рассмотрено дело о сторожевом казаке Луке Сухинине,

поверставшимся в Козлове в дети боярские. Как выяснилось, новоиспеченный служилый оказался беглым холопом. Посланные за Сухининым данковские стрельцы и пушкари на «ево Лучкиной подводе»²⁸.

Несмотря на все вышесказанное, южнорусское крестьянство – вотчинное, дворцовое, монастырское и частновладельческое – потенциально было вполне подходящим элементом для инкорпорации в сторожевые казаки. Районы промысловой деятельности этих крестьянских сообществ (бортничество, бобровые гоны, рыбная ловля) уходили далеко на юг. Так, город на Урляповом городище получил название Козлов по фамилии промышленявших здесь крестьян Козловых из Рязского уезда, числившихся за князьями Пожарскими.

Кроме того, в 1638 г. в Данков были временно переведены пугачевские черкасы, однако считаем мало вероятным, что кто-либо из них был инкорпорирован в служилые люди, но такая возможность не исключается – вопрос лишь в отсутствии соответствующих документов²⁹.

Место в штате сторожевых казаков было крайне востребованным. Казачьим вдовам, если их внуки еще не годились в службу по возрасту, поручалось нанимать стороннего человека, пока отпрыски не достигнут положенных лет. Так, летом 1637 г. в столичный Разряд пришла челобитная от вдовы данковского сторожевого казака Петра Плотницына – Авдотьи. Вдова писала, что муж ее был убит черкасами гетмана Петра Сагайдачного «на приступех», что доказывает присутствие некоторого количества служилых людей в городе. Со вдовой после смерти мужа остались сыновья Петр и Карп. Первый сын, как и отец, служил в сторожевых казаках, но умер, а второй, Карп, находится на Ливнах, где служит вместе с донскими казаками. У Авдотьи оставались внуки, однако по возрасту в службу пока не «поспевшие», то есть до 16 лет: «внучишка малы – лет в десять». Городской воевода Степан Извольский грозился отобрать у казачьей вдовы двор, а ее вместе с внуками «выслать вон». Одним словом, внуки для Авдотьи были не только гарантами землевладения, но и вообще ее пребывания на данном «дворовом месте».

Прошение Авдотьи Плотницыной было рассмотрено, воеводе надлежало дать вдове льготы сроком на два года, а вместе с тем нанять

ратного человека, готового временно послужить в сторожевых казаках, пока внуки не подрастут³⁰.

К 50-м гг. XVII в. штат сторожевых казаков Данкова начал заметно редеть. Вызвано это было переселениями в новые города, строившиеся далеко на южной степной окраине, а также формированием местной корпорации «служилого города» – детей боярских, в которых данковские сторожевые казаки и были поверстаны. Так, в 1648 г. 10 сторожевых казаков Афонасий Ковешников «со товарищи» были переселены на вечное жительство в новый город на Дону – Коротояк³¹. После постройки на Урляповом городище новой крепости Козлов в штат местного «служилого города» стали верстаться данковские служилые люди – сторожевые казаки, пушкари и затинщики. В 1650 г. воевода Иван Фомин писал из Данкова, что местные ратные люди – Сенька Кузовкин и Алферка Мячин «со товарищи», сторожевые казаки и люди пушкарского чина, побросав свои службы и дворы, ушли в Козлов с женами и детьми, где верстались в дети боярские. Без них в гарнизоне Данкова возник существенный недобор, взять на пустые места было некого³².

¹ Сегодня районный центр Липецкой области.

² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 136, 138.

³ Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 55.

⁴ Разрядные книги 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 233–234.

⁵ Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 1 (1571–1634). С. 2–7 (далее – АМГ).

⁶ Загоровский В.П. История вхождения центрального черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 107.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.

⁸ АМГ. Т. 1. С. 9.

⁹ Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской окраине московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 12–17.

¹⁰ Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 273 // РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 10. Ч. 2. Л. 297–300.

¹¹ Там же. Л. 300.

¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 192. Л. 214.

¹³ Документи російських архівів з історії України. Львов, 2000. Т. 1. С. 131, 132.

¹⁴ Там же. С. 238, 239.

- ¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 11. Л. 238.
- ¹⁶ Повесть об осаде г. Михайлова Сагайдачным в 1618 году // Киевская старина. 1885. № 12. С. 685.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 9. Л. 299.
- ¹⁸ Там же. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.
- ¹⁹ Там же. Столбцы Московского стола. Д. 11. Л. 241.
- ²⁰ Там же. Л. 245.
- ²¹ Там же. Столбцы Владимирского стола. Д. 7. Л. 161.
- ²² Там же. Приказной стол. Д. 192. Л. 204–217; см. также: Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 130–132.
- ²³ РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 13334. Л. 1209–1218 об.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 127. Л. 91.
- ²⁵ Там же. Л. 92.
- ²⁶ Там же. Разные города, оп. Крестоприводные книги 4. Д. 98. Л. 73–94.
- ²⁷ Там же. Столбцы Приказного стола. Д. 16. Л. 29–34, 169, 178, 220–238.
- ²⁸ Там же. Столбцы Белгородского стола. Д. 127. Л. 55–57.
- ²⁹ Там же. Д. 99. Л. 108–110.
- ³⁰ Там же. Д. 74. Л. 193–194.
- ³¹ Там же. Д. 286. Л. 160.
- ³² Там же. Д. 337. Л. 187.